

УДК 82-95

Е. В. МАКСЮТЕНКО,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

ЗАГАДКА БЕЗ РАЗГАДКИ. СЕНТИМЕНТАЛЬНО ЛИ «СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» ЛОРЕНСА СТЕРНА?

Предлагается развернутый комментарий монографии Э. Дилуорта о Лоренсе Стерне. Литературно-критический очерк Дилуорта входит в канонический круг работ о писателе, тексты которого не имеют однозначного истолкования. Дилуорт уйдет от сложившегося в академической традиции представления о сентиментализме, его философско-этических, социальных теориях, литературной практике, где будут представлены и произведения моралистов, и тех, кто открыт пониманию естественно-природных истоков духовно-эмоциональных порывов человека. Он попытается написать «книгу о книге», где выступит в роли пронизательного читателя, сохранившего свежесть реакций.

Ключевые слова: сентиментальный, сентиментализм, благожелательность, этика чувствительности, литература нравственного чувства, театрализация чувства и жеста, ироническая рефлексия, юмор.

В 1948 г. в издательстве Колумбийского университета увидит свет труд известного филолога Эрнеста Невина Дилуорта (**Dilworth, Ernest Nevin**), переводчика **Вольтера**, Буало, знатока и ценителя поэзии Уолтера Сэвиджа Лэндора, писавшего с одинаковым совершенством по-английски и по-латыни [3].

Свою небольшую по объему монографию более двадцати лет преподававший в Лихайском университете автор посвятит последней книге писателя, ставшего в 1760-е гг. европейской знаменитостью благодаря публикации романа об эксцентричном семействе Шенди. Дилуорт назовет текст исследования «Несентиментальное путешествие Лоренса Стерна» («**The Unsentimental Journey of Laurence Sterne**») и присоединится к спору, длящемуся столетия, о том, в какой мере создатель записок о пребывании во Франции и Италии открыт мироощущению и эстетике чувствительности [2].

Критико-биографический очерк Дилуорта о Стерне не будет забыт. Дилуорт по сей день – участник полемики, которая не завершена, сохраняет остроту для каждого, кто не остается к ней равнодушен. Напомним, что имена солидарных с Дилуортом литераторов принадлежат художникам первого ряда: Сэмюэлу Джонсону, Сэмюэлу Колриджу, Уильяму Теккерей. Порою они отказывали Стерну, наделенному ироничным складом ума, в благожелательном отношении к главному герою романа, пылкому, влюбчивому, не чуждому участливости к бедам другого пастору Йорику, иногда излишне склонному к высокопарности тона, театрализации эмоциональных порывов и поступков.

Невзирая на то, что тема книги-«поиска» ясно очерчена Дилуортом, проблемы, затронутые исследователем, – неоднозначны и едва ли могут быть истолкованы упрощенно. Почитатели Стерна давно смирились с мыслью о том, что великий насмешник и мистификатор в «Сентиментальном путешествии» остался верен себе. Несмотря на прозрачность лирической формы «Путешествия», виртуозность визуальных и психологических зарисовок, заметки Йорика о Франции и Италии не чужды иронии, лукавства, содержат размышления о прихотливой природе человеческого чувства и могут быть восприняты, наряду с «Жизнью и мнениями Тристрама Шенди», как некая «загадка без разгадки» («a riddle without an object»), по словам французского журналиста XVIII ст. Жана-Батиста Сюара [4, с. 168].

Едва ли читатель не замечает, как разнятся между собою полный нелепиц мир, населенный провинциальными чудаками Шенди, их шумными друзьями, челядью, и пронизанная весенними красками реальность Франции, запечатленная в дневнике Йорика, постоянно переживающего состояние влюбленности. Впрочем, среди литературоведов все более утверждается мнение о том, что тексты «Тристрама» и «Сентиментального путешествия» трудно отдалить друг от друга: в них очевидна преемственность тем, мотивов, укорененных, по убеждению критиков, в единой автобиографической основе и блестяще реализованной благодаря маске рассказчика, лично близкого Стерну, ведущего игру с читателем, а иногда и с самим собою. Порою исследователи видят в VII томе «Тристрама Шенди» пролог к «Сентиментальному путешествию» и уверяют, что уже в первой книге писателя звучит язык «литературы сердца».

Работа Дилуорта о Стерне – яркая, незаурядная. Он выступает в роли читателя, более доверяющего Стерну, опирающегося на его тексты в своей попытке разрушить, как он полагает, поверхностное и исчерпавшее себя представление о художнике, так непоколебимо возведенном критиками в ранг одного из «законодателей» европейской сентиментальной традиции. Аргументы Дилуорта не останутся незамеченными, ему будут возражать, актуализируя отдельные грани его концепции, но все же развернуто комментировать структуру и основные положения его исследования не станут.

Книга Дилуорта «Несентиментальное путешествие» построена замысловато, в театрализованном ключе с тем, чтобы передать атмосферу неопределенности, которую создаст автор в общении с читателем, когда каждое из его высказываний может быть истолковано двойственно. Эссе о Стерне Дилуорт уподобит путешествию и выступит в роли проводника читателя, вновь возвращающегося к любимым книгам и автору, рассказавшему так доверительно о человеческой душе, страдающей, любящей, истерзанной, открытой свету надежды в мире изменчивом и невеселом, где все же в драматизме обстоятельств, неурядиц возможно пережить мгновения радости творчества, потерять голову от любви, оценить остроумие собеседника, обрести поддержку друга, иными словами, не забывать о шутивно-мудрой философии шендианства, которая «помогает колесу жизни вертеться дольше...» [1, с. 290].

В начале воображаемого пути Дилуорт озадачит собеседника пестротой суждений литераторов о Стерне, парадоксально видевших в нем либо проникновенного лирика, либо философствующего ирониста, чей знаменитый портрет кисти Рейнольдса, написанный в 1760 г., навсегда сохранил образ писателя, облокотившегося на рукопись «Тристрама Шенди», насмешливо и проницательно наблюдающего суету мира [3, с. ix–xiv]. Его живой, острый взгляд, съехавший набок парик, лукавая улыбка отнюдь не напоминают о мечтательном и робком характере «a man of feeling», подверженном меланхолии и грусти.

На страницах очерка Дилуорт лишь бегло упомянет о философско-эстетическом фоне столетия, сенсуализме Локка, шептсберианской концепции врожденного морального чувства и благожелательности, побуждающей, согласно Хатчесону, к добродетельному поступку и действию [3, с. 3–4]. Демонстративно дистанцируясь от мнений биографов и литературных критиков о великих книгах Стерна, в сопровождении читателя расположится в пространстве текста «Тристрама Шенди», уподобив его постоялому двору, сулящему усталым путникам кров, отдых и тепло общения.

Дилуорт откроет свои намерения аудитории, испытывающей эстетическое наслаждение от обретенной возможности вновь перечитать тексты великого остроумца, и заявит, что он хотел бы, чтобы голос самого автора был услышан. И поэтому позволит себе не пересказывать толкование романов влиятельными критиками, а, наоборот, попытается сохранить свежесть «погружения» каждого в художественный мир стерновских книг. Он постарается показать, как виртуозно овладел Стерн мотивикой, поэтологическими приемами, языком литературы чувствительности, не утратив при этом мастерство юмориста, способного «охладить» высоту тона рассказчика благодаря ироничной нарративной позиции.

Обратившись в первом разделе к анализу речей, реплик, высказываний персонажей «Тристрама» (не забывая прокомментировать многие из них), Дилуорт как бы подтвердит, что сложившаяся в литературе XVIII ст. традиция видеть в Стерне создателя сентимен-

тальных романов является скорее заблуждением, так как поместить произведения Стерна в «прокрустово ложе» литературы морального чувства весьма затруднительно [3, с. 1–9].

Дилуорт разделит текст исследования на главы, даст им метафорические названия, уйдет от сдержанного, академически выверенного анализа романов и предпочтет театрализованную форму общения с собеседниками. Критик предложит последовать за ним, «вступить на литературную территорию» Стерна, вновь услышать автора, присмотреться к героям, поворотам их судеб с тем, чтобы, избавившись от предвзятых суждений, еще раз пережить подлинное восхищение писателем, которому свойственны парадоксальность мышления, языковая игра и креативность.

Дилуорт объявит, что намерен написать «книгу о книге», поэтому она скорее будет походить на художественное произведение, нежели строгий научный жанр [3, с. ix]. В этом можно удостовериться, познакомившись с прихотливой организацией «Несентиментального путешествия Лоренса Стерна», где ощутимо следование занимательно-спонтанным приемам ведения рассказа «английским Рабле».

Текст очерка заключен в многоуровневую раму, где нашлось место и эпиграфу, повторяющему слова простоватой миссис Шенди, с трудом улавливающей смысл рассказанной истории («L----d! said my mother—»), и вводному слову автора («Foreword»), предисловию, следующему за заключением («A Preface on Conclusions»), и заключению, вновь оборачивающемуся предисловием («Conclusion – a Mere Preface»). Заголовки разделов соотносены между собою, в них обыгрывается метафора пути («Along the Road»), остановок на постоялом дворе («The First Inn», «The Second Inn»), чьи воображаемые границы совпадают с возведенными Стерном литературными мирами «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия». Ядром работы оказываются главы, где феномен шутовства, маски, ролевого поведения автора-героя – Лоренса Стерна – соотносены с публичной сферой и камерной («...The Jest in General. The Writer. The Preacher...», «...The Jest in Particular. Husband and Father. The Great Lover») [3].

Если вернуться к содержанию главы, обозначенной как «Предисловие, вмещающее в себя заключение» («A Preface on Conclusions»), то необходимо заметить, что в ней изложены проблемы, которые не только волнуют Дилуорта, но и определяют направленность его книги. Дилуорт посуетет, что время сыграет шутку с репутацией Стерна-юмориста, избравшего предметом комической рефлексии наивно-возвышенный комплекс чувствительности. Спустя десятилетия доверчивые читатели и увлеченные магией мастерства Стерна критики как бы не уловят двойственности размышлений писателя об эмоциональных порывах его героев, не откликнутся на ироничные нотки в голосе повествователя, горестно сокрушающегося по поводу печальных обстоятельств, наступающих в жизни его нелепых, странных персонажей [3, с. 1–9].

Настроившаяся на душевный отклик аудитория не заметит шутовских выходов рассказывающих собственные истории Тристрама и Йорика и воспримет тонкие лирические пассажи в романах как стилевую доминанту, позже возведенную в канон европейского сентиментализма. Дилуорт не отрицает особого внимания, уделяемого Стерном эмоциональной стороне жизни героя, искусству воплощения духовных и душевных бурь, сотрясающих натуру человека. Однако он полагает, что Стерн чужд идеалистических взглядов на чувство как на инструмент, регулирующий мораль и, возможно, нравы эпохи. Скорее всего, его ирония и скепсис, по мнению исследователя, призваны заставить даже урядного читателя отрешиться от иллюзий. Поверхностным заблуждением считает Дилуорт представление о Стерне как о романисте, наиболее полно выразившем ценности эстетики сентиментализма, помня о том, что Стерн не был ни первооткрывателем стиля, ни его слепым последователем. Для себя и тех, кому близки его идеи, Дилуорт ставит несколько иные цели – вновь перечитать тексты Стерна и убедить многих в том, что Стерн – приверженец комедийной музыки, которую трудно представить страдающей и проливающей слезы [3, с. 9].

Чтобы обосновать свою правоту и добиться от слушателя понимания, Дилуорт прибегнет к своеобразной системе доказательств, весьма произвольной и причудливой. Он выберет из текста романа отдельные высказывания персонажей «Тристрама Шенди» и, соединив их, на уровне семантики и стиливой формы покажет театрализацию и двойственность

реплик каждого из героев, где эмоциональность и чувствительность являются не подлинной, но демонстративной гранью облика и поведения [3, с. 10–32].

В подраздел очерка Дилуорта «Внешние атрибуты» («Trappings») войдет ряд прокомментированных им слов героев романа Стерна о семействе Шенди [3, с. 10–16]. Дилуорт напомнит, о чем глубокомысленно рассуждал батюшка Тристрама, когда утверждал, что «...все на свете... можно обратить в шутку, – и во всем есть глубокий смысл и наставление, – надо только уметь его найти» [1, с. 333]. Процитирует Дилуорт и Тристрама, когда он, не мудрствуя лукаво, уверял аудиторию в своем исключительном писательском даре: «...Если мы можем сколько-нибудь полагаться на логику и если меня не ослепляет самолюбие, во мне есть кое-что от подлинной гениальности...» [1, с. 513]. Еще раз Дилуорт заставит Тристрама, путешествующего по Франции, рассказать, как он «...медлил пролить слезы...» над гробницей разлученных влюбленных Амандуса и Аманды, но по прибытии оказалось, что «...гробницы, которую я мог бы оросить своими слезами, уже больше не существует» [1, с. 444].

Отобранные Дилуортом речи персонажей, действительно, обладают смысловой неоднозначностью, в них ощутимо присутствие иронического подтекста, проблематизирующего слова рассказчика. Дилуорт не преминет подчеркнуть, что Стерн нарочито обращается к клише литературы чувствительности с тем, чтобы вызвать душевный отклик наивного читателя на авторский посыл и в то же время заронить сомнение в его искренности у проныцательного собеседника.

К сожалению, Дилуорт, а с ним солидарны и Теккерей, Э. Госс, Г. Трейл, Л. Стивен, отказывает персонажам Стерна в обладании тонкой душевной организацией, способной к переходам чувств от комических оттенков к патетическим и наоборот, надеясь, что читательская аудитория примет его сторону и не признает за Стерном право и желание соединить в собственной натуре и характерах его героев нежное страдательное сердце и иронию.

Предметом рассуждения Дилуорта в главе «Истории» («Tales») из книги «Несентиментальное путешествие Лоренса Стерна» станет излюбленная в творчестве писателей-сентименталистов метафора «струн сердца» (“heartstrings”) и мелодика их звучания в «Тристраме Шенди» [3, с. 16–32]. Несомненно, чувство печали сопровождает, как подсказывает Дилуорт, каждую невосполнимую утрату, через которые суждено пройти персонажам романа, но тема ухода близкого и его оплакивание – одна из сквозных для литературы чувствительности – выполнена Стерном отнюдь не канонично. Так, сцену, описывающую нелепую реакцию домочадцев на смерть Бобби Шенди, Дилуорт называет «самым веселым водевилем из жалоб и стенаний, который только можно найти в литературе» [3, р. 17]. Исследователь подчеркивает, что драматический дар Стерна под воздействием остроумия превращается в насмешку, автор получает удовольствие от разного рода экстравагантных жестов, абсурдных мелодраматических ситуаций и мнимой патетики [3, с. 21]. Все же выбивается из тональности тривиализации темы смерти история Лефевра, страдающего от ран, которая поистине наполнена чувством печали и сострадания, однако она по-прежнему служит свидетельством того, что разыгрываемая Вальтером и Тоби Шенди «комедия причуд» («comedy of whimsy») продолжается, но переходит в плоскость фарса [3, с. 24].

Дилуорт ставит в упрек Стерну, казалось бы, незатейливые эпизоды, которые поначалу разворачиваются как лирические, а затем оборачиваются в противоположность, наполняются шутливой тональностью. Интонацией, сопровождающей описание спасения мухи дядей Тоби, полагает Дилуорт, оказывается не сентиментальность либо урок читателю, но юмор и веселая улыбка автора [3, с. 27–28]. Смешная история о жалости Тристрама к непомерно навьюченному грузом животному, завершается нелепым происшествием, мгновенно излечивающим его от печали. Встреча с Марией и соперничество бедняжке борются у Тристрама с замешательством из-за безмерности страсти, погубившей девушку.

Однако забавность комических тем и картин, описанных Стерном, не препятствует отклику на них, хотя Дилуорт предпочитает этого не замечать. Впечатление от глубины эмоциональных переживаний персонажей Стерна иногда, действительно, снижается из-за странных поступков и комических обстоятельств, с которыми им приходится сталкиваться. Но теплота читательского участия в судьбах героев Стерна сохраняется, несмотря на то, что она может сопровождаться доброжелательной улыбкой.

Третья и четвертая главы «Несентиментального путешествия...», по сути, представляют собою биографические интерлюдии, где Дилуорт, по его мнению, объективно обрисовывает постоянство натуры Стерна, склонного к постановочности действий, ироническим ссорам, скандалам, буффонному поведению [3, с. 33–79]. Исследователь неожиданно выступает предвзято по отношению к Стерну в роли пресного моралиста, постоянно уличающего незаурядного человека в нарушении правил приличий. Досаждают Дилуорту и манера Стерна жить в реальной жизни в маске своих героев: то ли смешливого и влюбчивого пастора Йорика, либо меланхоличного Тристрама. Излишне суров «почитатель» Стерна и к его проповедническому служению и текстам произнесенных им перед паствой речей, которые представляются Дилуорту вторичными, заурядными, несопоставимыми с блестящими страницами его романов [3, с. 33–57]. Неугоден Дилуорту Стерн и в роли отца и мужа. Исследователя отчасти покидает пронизательность и чувство меры, и он не замечает, как втягивается в досужие пересуды о похождениях Стерна, неверного мужа и легкомысленного отца, не всегда осознавая, что, быть может, порою его экстравагантное поведение рассчитано на публичный резонанс с тем, чтобы обозначить границы личной свободы и не допустить вторжения в его внутреннее потайное пространство [3, с. 58–79].

К сожалению, Дилуорта явно постигла неудача, когда он попытался описать, сколь влюбчивым и непостоянным был Стерн, который трепетно и не скрывая деталей, воссоздал любовные похождения пастора Йорика и артистично передал умение сентиментального путешественника извлекать мелодию любви из струн сердца его хороших спутниц.

Наиболее длительный «привал» читателю, ставшему спутником знаменитого Дилуорта, придумавшего «имажинарное» путешествие-обозрение по жизни и творчеству великого Стерна, придется совершить в пятой главе очерка о писателе («The Second Inn»/«Второй постоялый двор»), где Дилуорт наиболее обстоятельно покажет и представит свидетельства о легкомысленности и слабостях чувствительного Йорика/Стерна, у которого высокие порывы души если и случаются – эпизод с раздачей милостыни, встреча с монахом, сцена с карликом в театре, – то завершаются конфузом (щедрость не всегда входит в добродетели Йорика) либо дерзкими, галантными авантюрами, которые, несомненно, заинтригуют читателя, но о которых стоит благоразумно умолчать (свидание с хорошенькой *fille de chambre* и таинственной соседкой, разделившей с ним кров в гостинице) [3, с. 80–107].

Дилуорт признает, что богатый спектр эмоций интересует Стерна-художника, не принимает он лишь сужение его репутации до сентиментально-нравственной литературной традиции, но едва ли масштаб дарования Стерна низведен исследователями и читателями до одной из тенденций в массиве сентиментальной культуры. Не критики, но широкая аудитория ценителей его таланта отреагировала на общеевропейский успех последнего романа Стерна и закрепила за трогающими душу и сердце текстами и героями определенное **сентиментальное**.

Список использованных источников

1. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие / Л. Стерн. – М.: Художественная литература, 1968. – 686 с.
2. Чувствительность в литературе, искусстве и культуре конца XVIII–XIX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – 248 с.
3. Dilworth E.N. The Unsentimental Journey of Laurence Sterne / E.N. Dilworth. – N.Y.: Kind's Crown Press, 1948. – 115 p.
4. Laurence Sterne: the Critical Heritage / [ed. by A. B. Howes]. – L.: Routledge, 1995. – 475 p.

References

1. Sterne, L. *Zhizn' i mneniya Tristrama Shendi, dzhentl'mena. Sentimental'noe puteshestvie* [The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. A Sentimental Journey through France and Italy]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ, 1968, 686 p.
2. *Chuvstvitel'nost v literature, iskusstve i kulture konca XVIII–XIX veka*, [Sensibility in Literature, Art and Culture in the Late 18th–19th Centuries]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, 248 p.

3. Dilworth, E.N. The Unsentimental Journey of Laurence Sterne. New York, Kind's Crown Press, 1948, 115 p.

4. Howes, A.B. (ed.) Laurence Sterne: the Critical Heritage. London, Routledge, 1995, 475 p.

Запропоновано розгорнутий коментар монографії Е. Ділуорта про Лоренса Стерна. Літературно-критичний нарис Ділуорта входить до канонічного кола праць про письменника, тексти якого не мають однозначного тлумачення. Ділуорт відійде від уявлення про сентименталізм, що склалося в академічній традиції, його філософсько-етичних, соціальних теорій, літературної практики, де будуть представлені й твори моралістів, і тих, хто є відкритим розумінню природних витоків духовно-емоційних поривань людини. Він спробує написати «книгу про книгу», де виступить у ролі проникливого читача, який зберігає свіжість реакцій.

Ключові слова: сентиментальний, сентименталізм, доброзичливість, етика чутливості, література морального почуття, театралізація почуття і жесту, іронічна рефлексія, гумор.

Detailed commentary on E.N. Dilworth's work dedicated to Laurence Sterne is proposed. Critical essay written by Dilworth is a canonical text in scientific researches of Sterne's artistic heritage. Dilworth revisits traditional values of sentimentalism, its philosophical, ethical, social theories and literary practice that include works by moralists as well as those who prefer natural origins of spiritual and emotional human impulses. He tries to encourage the reading of Sterne himself, willing to be the perceptive reader and putting into his book as much of Sterne as was feasible.

Key words: sentimental, sentimentalism, benevolence, sensibility, "moral sense" literature, the theatrics of feeling and gesture, ironical self-reflection, humor.

Одержано 25.10.2017